

Народ против нации: аксиология коллективного самосознания

Г.Т. Сардарян

МГИМО МИД России

Автор анализирует политико-философское содержание нации и её аксиологические основы в политических теориях модерна и постмодерна, сопоставляя их с процессами изменения культурных парадигм в странах Запада и мира. Ключевым вопросом в данной связи выступают причины, по которым отдельные этносы оказались способны сформировать национальные государства с точки зрения различных политико-философских течений. Автор придаёт особое значение религиозному фактору, который в соответствующих модернистских теориях наделяется либо незначительной, либо отрицательной ролью в формировании нации, что не соответствует действительности, так как именно он служит образованию ценностей, позволяющих социуму обладать коллективной идентичностью, основанной не на родоплеменных связях. В соответствии с этим, автор противопоставляет нацию как форму политической организации социума, объединённого общими ценностями, народу в его современном виде как совокупность индивидов, движимых исключительно собственными интересами, что ведёт к неспособности институтов национального государства. Автор приходит к выводу, что коллективная идентичность социума, основанная на наиболее устойчивых ценностях, формирующих политическую культуру и институты общества, будет определяющим фактором в ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: нация, народ, модерн, постмодерн, либерализм, марксизм, конструктивизм

В эпоху постмодерна восприятие любых коллективных форм самоидентификации индивида трактуется как анахронизм, а в некоторых случаях – как противоречие социальному прогрессу, отвергающему общее как угрозу частному. Сам индивид предстаёт для современной философии чем-то сомнительным. Французский философ Жак Лакан говорит об исчезновении «индивида» как неделимого единства и заменяет его «дивидом» – разорванным и растерянным человеком (Лакан 1997). При этом введённый Цицероном термин «*individuum*» по аналогии с древнегреческим атомом обозначал «неделимый»,

УДК 321

Поступила в редакцию: 13.04.2022

Принята к публикации: 30.08.2022

и «именно целостность человеческой личности, его индивидуальность как уникальное, неповторимое своеобразие только ему присущих мыслительных, поведенческих, биологических и нравственных характеристик с их устойчивыми психофизиологическими особенностями и была той отрефлексируемой многими поколениями западных учёных догмой для создания мифологемы автономной личности, в которой усматривался залог демократической основы западной цивилизации (Ильин 2001)».

Все современные институты демократического и республиканского государства построены не просто на концепции индивида как целостного субъекта, но и на необходимости осознания им коллективной самоидентификации как части общего, что необходимо для достижения общего блага посредством общего дела в республике и обеспечении легитимного консенсуса в демократии. В данной связи важнейшей ролью обладает нация как политическая общность людей, объединённых в первую очередь гражданской принадлежностью. Все современные западные республики, так же как и большинство конституционных монархий, находят своё идейно-теоретическое основание в концепции гражданской нации, легитимизирующей собственным коллективным волеизъявлением систему управления государством.

В данной связи можно предположить, что разрушение сначала любых форм коллективной самоидентификации индивида, а затем и его самого как целостного единства неминуемо приведёт к распаду тех политических институтов, которые были созданы в условиях совершенно иной культуры. «Нации» как коллективной общности граждан всё чаще противопоставляется «народ» как обезличенная, не обладающая общей политической волей совокупность населения, способная уничтожить государственность в её основании. Сводя сложные механизмы политических систем республиканской модели к плебисцитарным формам участия населения в политической жизни страны, в особенности в условиях цифровизации, современное государство стоит на грани прихода к абсолютной дисфункциональности собственных политических институтов.

В данной связи, важной особенностью рассмотрения нации как политико-философской категории в данном исследовании является отказ от широко распространённого подхода, заключающегося в игнорировании роли религии и религиозной культуры. Подходы к соотношению религии и нации в современных исследованиях можно условно разделить на четыре группы (Brubaker 2012). Первая заключается в том, чтобы рассматривать религию и национализм наряду с этничностью и расой как аналогичные явления. Вторая определяет способы, которыми религия помогает объяснить национализм. Третья рассматривает религию как часть национализма и определяет способы взаимопроникновения и переплетения. Четвертая постулирует отчётливую религиозную форму национализма. Однако в данном случае речь идёт о тех исследованиях, которые в принципе рассматривают религию как фактор при исследованиях политико-философского содержания нации, что встречается в современных исследованиях значительно реже, чем исключительно секулярные трактовки генезиса и эволюции данной ка-

тегории. Данное же исследование видит в религии важнейший источник формирования наиболее устойчивых ценностей, определяющих коллективное самосознание социума, без чего формирование нации будет практически невозможно.

Данные обстоятельства определяют необходимость подробного рассмотрения сущности «нации», которая в отечественной практике, зачастую, имеет совершенно иное значение, чем в большей части зарубежных исследований. Отметим, что дискуссии относительно того, что есть народ, нация и этнос, ведутся не только в российской науке. Так, например, М. Вьеворка в своих работах задавался вопросом о том, что есть «народ»: это единое социальное тело или это небольшая группа «маленьких» людей, способных противостоять элитам? (Wieviorka 2012). В пример он приводит Россию во второй половине XIX в. и Францию после 1968 г. Он также отмечает, что о «нации» скорее будут говорить правые, тогда как о «народе» – левые (Wieviorka 2012).

А.И. Миллер в рамках одной из своих работ, посвященной генезису понятия «нация» в России (Миллер 2015), например, рассматривал понятия «народ» и «народность» в связке с понятием «нация», поскольку это позволило ему выделить ту область, где они получали политическое содержание. Кроме того, отметим и ряд статей, в которых на понятие «нация» Алексей Ильич смотрит в рамках истории культурных трансферов (Миллер 2010).

Автор считает необходимым проследить возникновение «нации» как политико-философской категории, её отличительные черты от «народа» в античной и современной трактовке, а также установить причины, по которым именно она является источником власти современной формы республики и демократии. Важно также рассмотреть метаморфозы понятия «нация» в политических теориях модерна, либеральной и марксистской, а в особенности – в марксистско-ленинской политической философии, так как они имели в своём основании политические процессы, протекавшие на практике, сформулировали теоретические категории, которые затем в том числе и до сих пор оказывают большое влияние на социум в современной России.

Таким образом, предлагается рассмотреть философские концепции, затрагивающие вопросы формирования и развития нации, сопоставляя их с культурными явлениями и политическими процессами, присущими данному периоду развития общества, а также сравнивая в динамике, для понимания причин, способных трансформировать нацию в современном её виде.

Генезис нации

Изначальное значение термина «нация» связано с фактором, который современные исследователи предпочитают отводить на второй план – местом рождения (*natio* в переводе с латыни). Схожим образом данный термин использовался в Средневековье региональными корпорациями студентов. В политическом смысле термин впервые был употреблён в названии Священной Римской империи гер-

манской нации, в состав которой, помимо прочего, входили также итальянские, славянские, франкские государства и народы.

Важнейшей вехой в попытке осмысления наций как философской концепции является труд Джамбаттиста Вико «Основания новой науки об общей природе наций», изданный в 1725 г. В нём итальянский философ синонимизирует понятия «мира гражданственности» и «мира наций», указывая на гражданство как главный критерий выделения нации. Вико сознательно развивает своё представление о *scienza* (науке или знании) в противовес господствовавшей тогда философии Декарта с её упором на ясные и отчётливые идеи, самые простые элементы мысли, из которых, по мнению картезианцев, могло быть получено всякое знание. Как утверждал Вико, одним из следствий и недостатков этого гипотетико-дедуктивного метода является то, что он представляет явления, которые не могут быть выражены ни логически, ни математически, как иллюзии того или иного рода. Это в наибольшей степени относится не только к данным чувств и психологическому опыту, но также и к не поддающимся количественной оценке свидетельствам, составляющим гуманитарные науки.

Нации, по мнению Вико, не обязательно должны развиваться в одном темпе — менее развитые могут сосуществовать и сосуществуют с находящимися в более продвинутой фазе, — но все они проходят одни и те же отдельные стадии: эпохи богов, героев и людей. Нации развиваются в соответствии с этим делением в постоянном и непрерывном порядке причин и следствий, присутствующих в каждой из них. Каждая стадия, а тем самым и история любого народа, характеризуется проявлением свойственных ей естественных законов и различных языков (знаков, метафор и слов), правительств (божественных, аристократических государств, народных государств и монархий), а также системы юриспруденции (мистическое богословие, героическая юриспруденция и естественное равенство свободных государств), которые их определяют.

Таким образом, Вико, с одной стороны, находится в поиске универсального метода становления наций, при этом фиксируя невозможность единого идейно-теоретического наполнения их сущности. Каждая из выделяемых им стадий предполагает различие как «богов», так «героев» и «народов» в их ценностном наполнении, что и формирует различия между самими нациями. Вико утверждает, что открыл два вида мудрости — «поэтическую» и «философскую», — соответствующие двойственной природе человека (чувству и интеллекту), представленные в творениях богословских поэтов и философов соответственно. Институты возникают, прежде всего, из непосредственности чувственного опыта, чистого чувства, любопытства, удивления, страха, суеверия и детской способности людей подражать и антропоморфизировать окружающий мир. Поскольку в детстве люди были по своей природе возвышенными поэтами, рассуждает Вико, нации должны быть поэтическими в своём начале, поэтому их происхождение и направление можно обнаружить, воссоздав или вспомнив лежащую в их основе «поэтическую» или «метафизическую истину».

К этому можно отнести и мифы, и предания, но в первую очередь – религию, как наиболее систематизированное метафизическое представление социума об окружающем мире. То есть важно зафиксировать, что в формировании наций и их самосознании религия является важнейшим началом, в котором следует искать идейно-теоретические основания её сущности.

Нации в конструктивизме

Важное место в изучении природы наций играет политическая философия конструктивизма, которая полагает, что нации представляют собой искусственные явления, целенаправленно сконструированные интеллектуалами (учёными, политиками, идеологами) на основе единого проекта. В данном случае географическими границами нации обозначаются те, в которых существуют конкретные государства, вне зависимости от их этнического состава. Скажем, Бенедикт Андерсон говорил о том, что все сообщества, большие, чем первобытные деревни с непосредственным личным контактом, являются воображаемыми (Anderson 1991).

Ю. Хабермас в своём определении национального государства исключает религиозный фактор и определяет его как этнонациональную общность соотечественников и как республиканское объединение граждан (Хабермас 2001). С его точки зрения, такие концепты, как «нация», «национальная идея», «национальное сознание» являются сконструированными и нужны лишь для того, чтобы после утраты божественного обоснования власти сплотить население вокруг отдельного государства (Хабермас 2001).

Александр Вендт утверждает, что значение понятия «идентичность» (особенно идентичности государств) оказалось решающим в конструктивистской теории, но не определяющим, так как государства социализируются в процессе, то есть определяют и переопределяют свою идентичность и интересы, когда взаимодействуют с другими. Таким образом, именно посредством взаимодействия с другими акторами государства определяют себя, цели, которые они преследуют в своей международной повестке дня, и роли, которые они должны играть на международной арене. Таким образом, по его мнению, ядро конструктивистского понимания идентичности состоит в том, что взаимодействие между собой создаёт идентичность государств, понимание «себя» и «другого» становится ключевым в этой теории. В конструктивистском подходе идентичность автоматически понимается как «государственная», которая, следовательно, является коллективной и создаётся, а не даётся (Wendt 1994).

Подобная позиция вызывает целый ряд вопросов. Безусловно, нации подвержены динамике в своём развитии, и важным фактором в данном случае является их взаимодействие с окружающими их государствами. Многие исследования показывают, что население христианских государств, окружённых мусульманскими странами, в особенности тех, что находились под их властью, придаёт большее значение собственному религиозному наследию, чем те, что находятся в

более гомогенном этноконфессиональном окружении¹. Однако даже для динамики в процессе столкновения «мы» и «они» нациям необходимо изначальное осознание собственной идентичности. Принадлежность идентичности исключительно социальному конструированию интеллектуалов создавало бы волатильность, при которой с каждой сменой политико-философских эпох человечество имело бы дело с распадом существующих наций. Фактически каждое новое поколение интеллектуалов было бы способно сконструировать новую нацию, обладающую собственным набором идейно-теоретических сущностей, чего, однако, не происходило. Как отмечает В.А. Тишков, в российской этнологии этносы и этнофоры также вытесняются концептом идентичности (Тишков 2016), появились понятия «воображаемых сообществ» и «этничность без групп» (Тишков 2021).

Разные нации, безусловно, обладали кардинально отличающимися формами самоорганизации, сохраняя, при этом, собственную коллективную самоидентичность. Более того, данные утверждения являются отчасти верными, если рассматривать через их призму историю возникновения и развития государственности в Европе, лишая права обладания статусом нации любые государства, расположенные вне Запада, а также те, что предшествовали современным европейским странам. Позиция конструктивизма об отсутствии преемственности между этническими группами доиндустриального общества и современными нациями, ввиду того что в доиндустриальную эпоху этническая идентичность не играла такой важной роли, уступая другим формам самосознания, таким как сословие и религия, является лучшим тому доказательством.

Существует большое количество наций, для которых этническое и религиозное происхождение являются взаимосвязанными и служат способом самоидентификации во взаимоотношениях с соседними государствами. Есть и те, чьё этническое происхождение схоже, и лишь религия является главным определяющим фактором (сербы и хорваты). Коллективное самосознание такого этноса, как евреи сформировалось задолго до индустриального общества, сочетая в себе и этнический, и религиозный фактор, вылившийся впоследствии в самоорганизацию в виде государства.

Ярчайшим примером в данной связи может служить Россия, где одна и та же нация – русские, за 100 лет сменила три формы самоорганизации – империю, социалистическое государство, демократическую республику, сохранив при этом собственную идентичность. Безусловно, можно было бы возразить, что идентичность т.н. «советского человека» значительно отличалась от православного подданства времён империи, однако именно пример России наиболее ярко демонстрирует, что даже несмотря на попытку построения абсолютно нового типа общества не только со стороны интеллектуалов, но и государственной власти, опирающуюся на по-

Evans J., Baronavski C. How do European countries differ in religious commitment? Use our interactive map to find out. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/12/05/how-do-european-countries-differ-in-religious-commitment/> (accessed 10.09.2022)

литико-философскую концепцию, отрицающую религиозный фактор, цивилизационное наследие социума оказалось значительно важнее доктрины марксизма, вскоре найдя своё воплощение в более традиционных для русской нации ценностях, а затем и вовсе заполнив вакуум в социуме после распада СССР.

С данной точки зрения, изучение марксистского, в особенности марксистско-ленинского взгляда на сущность нации представляется важным, так как оно в значительной степени отличается от альтернативных концепций и оказало ключевое влияние на детерминацию национального не только в науке, но и в политической реальности.

Нации в политических теориях модерна

Маркс и Энгельс заявляют в Манифесте коммунистической партии, что они видят в нации фазу, через которую мир должен пройти, прежде чем он достигнет своего конечного состояния, которое является всеобщим коммунизмом. Поэтому такие понятия, как «нация», «национализм» и «родина» являются не более чем переходными состояниями, которые необходимо пройти перед конечной целью. У трудящихся нет родины, у них нельзя отнять то, чего у них уже нет. Пролетариат каждой страны должен сначала захватить власть, стать национальным классом и стать нацией (Маркс, Энгельс 2020).

Ленин несколько иначе трактовал значение и роль нации в собственной теории. Он утверждал, что нации появляются во время кризиса феодальной системы, вследствие необходимости государственного сплочения территорий с населением, говорящим на одном языке. Формой их выражения он называл национальное государство, из-за чего право наций на самоопределение рассматривалось как отделение от «чуженациональных коллективов» и «образование национального государства» (Ленин 1952).

Важнейшей вехой в рассмотрении марксизмом вопроса сущности нации является работа И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Он определяет нацию как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, при этом отрицая тождественность нации и государства, приводя в качестве примера Австрию и государство Кира.

Сталин умышленно отрицает значение религии в формировании единой нации, что объясняется идеологизированностью марксизма и его атеистическим характером. Так, он говорит о значимости общности языка, приводя в пример чехов, сохраняющих свою идентичность в Австро-Венгрии благодаря языку, общности территории, указывая на североамериканцев, говорящих на одном языке с англичанами, но не образующими с ними единой нации, общности экономической жизни, отмечая разрозненность экономического уклада грузин до XIX в. Наконец, он говорит о национальном характере, приводя в пример ирландцев, говорящих на одном языке с англичанами, населяющих одну и ту же территорию

и живущих общей экономической жизнью, но имеющих своеобразный психический склад.

При этом он утверждает, что русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи не образуют единой нации, поскольку их общность построена на религии, общем происхождении и остатках национального характера (Сталин 1953). Согласившись с некоторыми критериями, такими, как общность территории, языка, экономической жизни, стоит отметить, что в корне т. н. «психического уклада» следует искать непосредственно религиозно-культурное наследие, что позволит иначе взглянуть, в том числе, на примеры ирландцев и различных групп евреев, о которых пишет Сталин.

В СССР изначально, в соответствии с концепцией Ленина, нация отождествлялась с этносом в составе государства. Уже к 1920-м гг. становится очевидно, что степень развития национального самосознания у различных этнических групп в Советском Союзе различалась, и применение данного термина постепенно стало утрачивать изначальный смысл, в связи с чем стали чаще использоваться понятия «национальность» и «народ».

С ещё большими проблемами марксистско-ленинская концепция сталкивалась при попытке распространения своей методологии для рассмотрения наций вне СССР. Если в самом Советском Союзе тождественность этнических групп казахов, узбеков, армян, грузин и др. их национальному происхождению могла быть оправдана, то аналогичные попытки в странах Латинской Америки либо среди наций с большим количеством государств, таких, как арабы, были в корне несостоятельны. Идеологизированный же характер концепции, отвергающий религиозный фактор в формировании нации, исключал возможность объективного рассмотрения процессов образования новых государств на месте Британской Индии, в Ливане, в Африке и т. д. В итоге для решения данной проблемы внутри СССР использовался термин «многонациональный народ», а капиталистические государства рассматривались сквозь призму «угнетающих» и «угнетённых» наций. Это оставило свой отпечаток и на современной России, где термины «нация» и «национальность» в политическом и правовом смысле используются в качестве синонимов этноса, в то время как в западной традиции они тождественны гражданству.

Параллельно с марксистской концепцией нации развивалась и т. н. «примордиалистская» теория, понимающая нацию как переход этноса на особую стадию развития. Однако, данная концепция была полностью лишена научного начала и опиралась на идеологизированную аксиому о биологическом характере национального духа, иррационального по своей природе и отражающегося в различных народах, определяя их отличия друг от друга.

Таким образом, две из трёх главных политических теорий модерна (марксизм и нацизм) трактовали нации и их сущность, либо умышленно опуская такие важные факторы, как религия и политическая культура, для соответствия данной концепции общей теории, либо наделяли их сверхъестественными характеристиками для оправдания неравенства в межнациональных отношениях.

Третья же, либерализм, изначально обладала политической философией, содержащей иногда прямо противоположные точки зрения в отношении нации – от необходимости опоры на неё как на единственный способ обеспечения индивидуальных прав и свобод до категорического отрицания её субъектности. Джон Локк предполагал, что индивид становится членом человеческого коллектива только потому, что он дал на это согласие, и имеет обязательства по отношению к таким коллективам только в том случае, если он их принял (Locke 2018). Акцент Локка на общественном договоре отрицает значение институтов, которые возникают в результате уз лояльности, таких как национальное государство, сообщество, семья и религиозная традиция.

Монтескьё восхваляет верховенство закона, торговлю, разделение и баланс властей и представительное правительство, но враждебно относится к предписывающим системам и настаивает на том, чтобы законы отражали национальный, географический, исторический и религиозный контекст. Соответственно, очень важно знать, в каких случаях должно быть единообразие, а в каких – различия. Универсальные принципы индивидуальной свободы и человеческого равенства должны подчиняться тому, что Монтескьё называл «духом нации» (Montesquieu 2019), включающему в себя идею частной собственности, личности и стремление к определённым видам экономической деятельности.

Однако дальнейшее развитие либерализма было неразрывно сопряжено с развитием позиции об индивидуальном характере ценностей, попытках представить общество не как самостоятельный субъект, а как совокупность составляющих его индивидов. В этой парадигме любые формы коллективного самознания и самоидентификации либо отрицаются, либо наделяются абстрактным содержанием, не имеющим под собой трансцендентного начала, не подверженного возможности значимого вмешательства человеческого фактора. Френсис Фукуяма утверждает, что условия общественного консенсуса требуют более широкой и целостной национальной идентичности, в качестве решения предлагая отрицать общие личные характеристики, жизненный опыт, исторические связи или религиозные убеждения, делая ставку на основные ценности и убеждения, такие как конституционализм, верховенство закона и человеческое равенство (Fukuyama 2019). Подобный позитивистский, в философско-правовом смысле, подход отрицает любую взаимосвязь закона с аксиологическими основами общества, выступающими в качестве основного фактора для функционирования любой правовой системы. Законы, в том числе и конституции, являются следствием развития ценностной системы общества, которая в условиях отсутствия перечисленных Фукуямой факторов будет находиться в рабской зависимости от воли регулятора, не ограниченного никакими трансцендентными началами. Очевидно, что либерализм в современном его виде сконцентрирован вокруг того, что Йорам Хазони называет «имперской политической философией», принципиально противоположной существованию различных национальных государств (Hazony 2018). Отрицая особенности социумов и стремясь к построенному миропорядку,

основанного на глобализме, либеральная политическая философия в современном её виде стремится к поиску универсальной модели государства, отрицающей практически все составные элементы нации – язык, культуру, территорию, границы и единый экономический уклад.

Можно утверждать, что все три политических теории модерна в данном контексте оказались подвержены одной и той же проблеме – стремлению к построению наднациональной системы того или иного варианта. Все подобные варианты предполагали невозможность существования наций как субъектов, обладающих собственными формами культурного самосознания. В случае с либерализмом – потому что любые ценности принадлежат лишь индивиду и не обладают общественным характером, в случае с марксизмом – потому что они являются пережитком буржуазного общества и препятствием на пути пролетарской революции, а в случае с нацизмом – потому что ценности не являются следствием социального развития, а представляют собой биологическое явление, предполагающее невозможность равноценного признания их в различных государствах.

Постмодерн и нации

Эпоха постмодерна в политической философии обозначила культурные изменения современного социума, которые не обошли стороной и нацию как способ коллективного самосознания людей. Сам термин «постмодернизм» был введён Джоном Арнольдом Тойнби для обозначения последней четверти XIX в., времени, когда капитализм, империализм и западная цивилизация в целом начали приходить, по его мнению, в упадок. Он отмечает подъём «массы»: массовой культуры и массового образования. Изучив 21 мировую цивилизацию, Тойнби отмечает, что распадающиеся общества пали от «раздвоения души», совершая культурное самоубийство. Индивиды перестают придерживаться норм морали, идут на поводу низменных импульсов ценой утраты творчества, одержимы чувством развязности, впадают в апатию, обладают желанием уйти от реальности, избежать проблем, укрыться в беззаботном мире развлечений. Наступает неразборчивость, проявляющаяся в мысли, что ничего неприемлемого не существует, некритическая терпимость к чему угодно (Toynbee 1987).

Современные постмодернисты рассматривают человека в отрыве от концепции индивида как неделимого субъекта. Он более не является «атомом» социума, так же как и атом в естественных науках перестаёт быть неделимой частицей. Ярким примером является рассмотрение Мишелем Фуко «дисциплинарной власти», направленной на максимально эффективное использование навыков тела. По его мнению, чем полезнее становится тело, тем более послушным оно должно стать. Согласно Фуко, «индивидуум» — это конструкт, созданный дисциплинарной властью (Foucault 2011). Фуко рассматривает власть как возводимую снизу, изначально в социальной структуре, наиболее поддающейся биологическим ма-

нипуляциям, в семье, а затем распространявшуюся вверх до самого широкого родового коллектива – этноса (Foucault 2008).

В трудах другого видного постмодерниста Ричарда Рорти можно найти указания на то, что, либерализм может обойтись без философских предпосылок, а социальные институты следует рассматривать как эксперименты в сотрудничестве, а не как попытки воплотить универсальный и внеисторический порядок (Rorty 1990).

Следствием развития общества, построенного на основе постмодернистских принципов, является то, что Бодрийяр называет «отчуждением», являющимся самой структурой общества потребления, где всё является товаром, который можно купить и продать, и где постулируется конец трансцендентности, когда люди не могут воспринимать ни свои собственные истинные потребности, ни другой образ жизни (Baudrillard 2016).

Если три политические теории постепенно вели к исчезновению нации как субъекта ввиду собственных идеологических догм, то эпоха постмодерна развивает идейно-теоретические основы одной из них – либерализма, доводя их до абсолюта. Там, где под вопрос ставилась субъектность социума ввиду приоритета индивида, теперь под вопрос ставится субъектность самого индивида. Коллективный характер ценностей, критикуемый либерализмом в угоду их индивидуальному характеру, уступает место отсутствию ценностей у самого индивида ввиду необходимости отхода от диктатуры разума. В условиях распространения современных течений этики, ставящих под вопрос уже не роль индивида в социуме, а саму его цельность, отрицающих любые формы трансцендентности и коллективного, национальное и нация станут первыми жертвами культурного самоубийства.

Нация и народ

Нация не тождественна государству, но без неё оно теряет возможности для собственного существования. Нация также не синонимична этносу и его культуре, но без них в собственной основе она оказывается лишена фундамента, необходимого для коллективного самосознания. В сущности, все теории модерна отчасти правильно определяли отдельные составные элементы, необходимые для формирования нации.

В её основе всегда будет находиться этническая группа или группы, объединённые единым языком. Однако без общей культуры, сочетающей в себе единые коллективные ценности социума, общего этнического происхождения окажется недостаточно для формирования национального самосознания. Ввиду наименьшей подверженности временным изменениям и вмешательству человека, подобную роль играет, в первую очередь, религия и формируемые ею ценности, обладающие наиболее существенным влиянием на аксиологию социума. Примеры Индии и Югославии, приводившиеся выше, война в Судане и многие другие политические процессы современного мира являются ярким тому подтверждением.

Отказ от религиозной культуры лишает нацию наиболее устойчивых ценностных основ собственной субъектности и коллективного самосознания социума, который она призвана политически организовать. Отказ же рассматривать её как фактор в формировании нации не позволяет объективно рассматривать генезис и эволюцию процессов, позволяющих одним этносам сформировать собственные государства, а другим – сохранять форму родоплеменного устройства.

На протяжении многих веков именно трайбализм в разных его проявлениях являлся препятствием на пути формирования нации у различных этносов. Обладая всеми характеристиками, свойственными нации, включая единую территорию, общий экономический уклад, язык и прочее, индивиды, составлявшие подобные социумы, мыслили себя частью более маленьких групп – семьи или города. Нация же становится возможна там, где возникает коллективная идентичность, объединённая, прежде всего, ценностями. Религиозная культура является носителем тех ценностей, которые способны нивелировать различия в бытовых, географических, классовых и любых других различий социума. Она необязательно будет способствовать формированию наций, тождественных гомогенным этническим группам. Даже христианство в двух его проявлениях вело к дихотомии, в которой западная церковь формировала надэтнические национальные сущности, в то время как восточная прочно обрамляла культуру отдельных народов, возводя православные церкви вокруг отдельных народов.

Вне зависимости от того, что считать отправной точкой формирования наций – индустриальную эпоху или возникновение государств за несколько тысячелетий до этого, очевидно, что без религиозно-культурного фактора она была бы несостоятельна. К моменту объединения Италии в 1861 г. лишь 2.5% населения страны говорило на тосканском диалекте, провозглашённом государственным. Этнические и антропологические различия населения, скажем, в Тоскане, Ломбардии и Неаполе широко известны современной науке. Однако, если бы Королевство обеих Сицилий было бы населено мусульманами, а в Венето проживали индуисты, то процесс формирования единой итальянской нации в границах современной республики вряд ли состоялся бы в подобном виде.

Забвение религиозно-культурных ценностных основ общества в христианском мире, способное уничтожить идейно-теоретический базис национального государства, сопровождается их подменой культурой индивидуализма, трансформировавшегося в условиях постмодерна в идеологию общества потребления. На смену нации приходит народ, который в демократической парадигме является главным носителем государственной власти, однако в противопоставлении нации представляет собой совокупность ничем не связанных индивидов, лишённых представления об общем благе.

Нация отличается от народа собственной политической организацией. Территория и экономический уклад, ценности и культура могут быть присущи и этническим группам, компактно проживающим на территории другого государства, однако лишь в случае осознания ими собственной коллективной идентич-

ности, ведущей к формированию политической самоорганизации, построенной на гражданской принадлежности государству, они способны являться нацией.

Народу обладать подобными характеристиками необязательно. Несмотря на то, что в конституционном праве народ тождественен гражданам страны, его политическая сущность представляет собой совокупность индивидов, ведомых собственными интересами. Национальное государство же невозможно без жертвы частного в угоду общему, что не осуществимо без коллективной идентичности, основанной на общих ценностях.

При этом необходимо понимать, что национальным самосознанием могут обладать и группы, лишённые в настоящий момент государственности по причине политической конъюнктуры или исторических условий формирования карты современного мира. Курды и каталонцы, баски и палестинцы, многие другие народы обладают всеми критериями формирования нации, однако лишены собственного государства. При этом в условиях современных миграционных процессов возможны и ситуации, когда на территории многих европейских государств проживают компактные группы выходцев из других стран, обладающих иным национальным самосознанием, нежели местное население.

В этих условиях, исходя из того, что ни одна нация не находится в вакууме и живёт в условиях соприкосновения как с другими нациями, так и сложными процессами внутри себя, можно ожидать, что те государства, которые станут в наибольшей степени подвержены распространению либеральной и постмодернистской ценностной парадигмы, столкнутся с острым кризисом собственной национальной государственности.

Если научное сообщество в какой-то степени пришло к консенсусу об ошибочности концепции «конца истории», где границы исчезнут повсеместно, а индивиды будут различаться лишь цветом волос и сотнями разновидностей пола, которые они смогут для себя выбрать самостоятельно, то можно с уверенностью утверждать, что та часть мира, которая продолжит собственное развитие в данном направлении, окажется с полностью дисфункциональным государством, окружённым более дееспособными национальными образованиями, а зачастую и имея в своём составе группы, обладающие национальным самосознанием и способные взять ответственность за формирование политической самоорганизации. Совокупности индивидов, не обладающих никакой формой коллективного самосознания, лишённых не только общих ценностей, но и собственных морально-нравственных ориентиров, будут противопоставляться группы внутри их же собственных государств, представителей иных цивилизаций, обладающих всеми необходимыми характеристиками для создания национального государства.

Окружающий же мир будет представлен нациями, не подверженными тем изменениям, которые происходят по обе стороны христианства. Ни в одной из современных цивилизаций либеральная и постмодернистская парадигмы не имеют подобного распространения. Острые социальные кризисы в странах Запада, возникающие на основании самых разных факторов – расового, полового, ми-

грантского, имеют в своей основе единственную причину – кризис коллективных ценностей, способных объединить общество для нормального функционирования политической системы и государственной власти. За каждым из данных кризисов стоит либо либеральная идея об отсутствии любых границ общественной морали, либо неотроцкистские и грамшианские представления об угнетённости любой социальной группы. И в одном, и в другом случае народ ищет способ уничтожения нации, частное борется против общего, будучи убеждённым в виновности государства и остатков единого общества в существующих проблемах.

Может ли мир существовать без наций? Безусловно. Но не всех, а лишь некоторых. Глобальное человечество, планета без границ и прочие утопические представления либеральных мыслителей последние 30 лет доказали свою неспособность. Таким образом, речь идёт лишь о том, какие нации продолжают своё существование на политической карте мира, а какие уступят им своё место ввиду тех факторов, о которых писал Тойнби ещё в середине XX в. Коллективная идентичность социума, основанная на наиболее устойчивых ценностях, формирующих политическую культуру и институты общества, будет в данной связи определяющим фактором в ближайшие десятилетия, укрепляя национальную государственность там, где она присутствует, и разрушая там, где её место займет культура индивидуального эгоизма.

Об авторе:

Генри Тигранович Сардарян – доктор политических наук, декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 321
Received: April 13, 2022
Accepted: August 30, 2022

Nation vs. People: The Axiology of Group Identity

H.T. Sardaryan
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-151-166](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-151-166)

MGIMO-University

Abstract: The article takes a political philosophical perspective in a conceptual analysis of the nation, focusing on its axiological foundations in the political theories of modernity and postmodernity. It reviews the political philosophy arguments explaining conditions and

reasons for individual ethnic groups to become nations. The author emphasizes the role of religion in this process as the main factor in forming national values and identity beyond tribal ties. Despite its importance religion is often dismissed in the research literature on nationalism and nation-building.

To stress the importance of collective solidarity for sustaining a national identity, the author juxtaposes the idea of the *nation* understood as a collective of individuals living in a nation-state united by common values to the idea of the *people* understood as a collective of individuals living in a nation-state driven solely by their egoistic interests. From this perspective the *people* render institutions of the national state dysfunctional because of their disrespect for the common values, while the *nation* strengthens state institutions, making its nation-state resilient to the current global problems.

Keywords: nation, people, modernity, postmodernity, liberalism, Marxism, constructivism

About the author:

Henry T. Sardaryan – Doctor of Political Science, Dean of the Faculty of Management and Politics of MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 19454. E-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Anderson B. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Baudrillard J. 2016. *The Consumer Society. Myths and Structures*. SAGE Publications.
- Brubaker R. 2011. Religion and nationalism: four approaches. *Nations and Nationalism*. 18(1). P. 1–19.
- Foucault M. 2008. *The History of Sexuality. The Will to Knowledge*. Vol. 1. Penguin.
- Foucault M. 2011. *Key Concepts*. Acumen.
- Fukuyama F. 2019. *Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Picador.
- Hazon Y. 2018. *The Virtue of Nationalism*. Basic Books.
- Locke J. 2018. *Second Treatise of Government*. Create Space Independent Publishing Platform.
- Montesquieu. 2019. *The Spirit of Laws*. Creative Media Partners, LLC.
- Rorty R. 1990. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Vol. 1. Cambridge University Press.
- Toynbee A.J. 1987. *A Study of History*. Volumes VII-X. Oxford University Press.
- Wendt A. 1994. Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*. 88(2). P. 384–396.
- Wieviorka M. 2012. Le Peuple existe-t-il? Éditions Sciences Humaines. 310 p. (In French).
- Habermas J. 2001. *Vovlecheniye Drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. [Involvement of the Other. Essays on Political Theory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Nauka». 417 p. (In Russian).
- Ilyin I.P. 2001. *Postmodernizm: slovar' terminov* [Postmodernism: a Dictionary of Terms]. Moscow: INION RAS – INTRADA. 384 p. (In Russian).
- Lacan J. 1997. *Instanciya bukvy v bessoznatel'nom, ili Sud'ba razuma posle Frejda* [The Instance of the Letter in the Unconscious, or the Fate of the Mind after Freud]. Moscow: Logos. 184 p. (In Russian).

Lenin V. 1952. *O prave nacij na samoopredelenie* [On the Right of Nations to Self-Determination]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).

Marx K., Engels F. 2020. *Principy kommunizma. Manifest Kommunisticheskoy partii*. [The Principles of Communism. Manifesto of the Communist Party]. Moscow: AST. (In Russian).

Miller A.I. 2010. Acquisition Necessary but Quiet Convenient: the Transfer of the Concept of Nation to Russia (Beginning of the 18th – the Middle of the 19th {entury}). *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700 – 1917)*. P. 42-66. (In Russian).

Miller A.I. 2015. Istoriya ponyatiya «natsiya» v Rossii (ot Petra I do Krymskoy voyny). [History of the Notion “Nation” in Russia (from Peter I to the Crimean War)]. *Vestnik rossiyskoy natsii*. №1(39). P. 115-137. (In Russian).

Stalin I. 1953. *Marksizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the National Question]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).

Tishkov V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle. [From Ethnos to Ethnicity and Back]. *Etnograficheskoye obozreniye*. №5. P. 5-22. (In Russian).

Tishkov V.A. 2021. Otkuda i kuda prishla rossiyskaya etnologiya: personal'nyy vzglyad v global'noy perspective. [Where did Russian Ethnology Come to: Personal View in Global Perspective]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk*. 91(3). P. 215-231. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Ильин И. П. 2001. *Постмодернизм: словарь терминов*. Москва: ИНИОН РАН – INTRADA. 384 с.

Лакан Ж. 1997. *Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда*. Москва: Логос. 184 с.

Ленин В. 1952. *О праве наций на самоопределение*. Москва: Гос. изд-во политической литературы.

Маркс К., Энгельс Ф. 2020. *Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии*. Москва: АСТ.

Миллер А.И. 2010. Приобретение необходимое, но вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.). *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917)*. С. 42-66.

Миллер А.И. 2015. История понятия «нация» в России (от Петра I до Крымской войны). *Вестник российской нации*. 1(39). С. 115-137.

Сталин И. 1953. *Марксизм и национальный вопрос*. Москва: Гос. изд-во политической литературы.

Тишков В.А. 2016. От этноса к этничности и после. *Этнографическое обозрение*. №5. С. 5-22.

Тишков В.А. 2021. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе. *Вестник Российской Академии Наук*. 91(3). С. 215-231.

Хабермас Ю. 2001. *Вовлечение Другого. Очерки политической теории*. Санкт-Петербург: Издательство «Наука». 417 с.